

ИОСИФ И АСЕНЕТ

Н.В. Брагинская

НЕСКОЛЬКО ВВОДНЫХ СЛОВ К АПОКРИФУ “ИОСИФ И АСЕНЕТ”

Среди иудеев, живших в эллинистическом Египте, библейская история Иосифа Прекрасного была популярна. Это не только очень яркая новелла, это история об иудее, который после череды страданий и испытаний его верности Богу достиг высокого положения при дворе египетского царя и смог в голодные годы дать приют и спасение Израилю. Он мог быть героем для диаспоры. О жизни этого патриарха писали по-гречески Артапан и Филон, а безымянные переводчики переводили на греческий безымянных авторов “Истории Иосифа”, “Молитвы Иосифа”, “Завещания Иосифа” и других произведений.

Одно из написанных по-гречески, но на основе более ранней семитской традиции¹ сочинений, условно именуемое “Иосиф и Асенет” (далее – ИА), разворачивает в целую повесть несколько стихов Книги Бытия (41:45, 50, 52; 46:20), в которых скупо сообщается, что Иосиф женился на дочери гелиопольского жреца Пентефрея, и та родила Ефрема и Манассию.

Другие сочинения, где история брака Иосифа была бы в центре, если и были написаны, до нас не дошли. Но нам известно, что существовали – возможно, устные – истории об Асенет, согласно которым она была дочерью хозяина Иосифа Потифара (Пентефрей – одна из греческих передач того же имени). Такая история максимально драматизировала брак Иосифа: он женился на дочери той самой женщины, которая пыталась его соблазнить, а потерпев неудачу, – оклеветать и казнить руками мужа².

Следы истории Асенет, отличной от нашей, обнаруживаются в греческих, сирийских и арамейских источниках начиная с III в. н. э.³ и могут быть прослежены далее в истории Юсуфа и Зулейки, где Зулейка объединяет в себе черты коварной жены Потифара и раскаявшейся и обратившейся в истинную веру красавицы Асенет.

Но апокриф, о котором идет сейчас речь, – сочинение совершенно иного плана, и драматизм такого рода ему чужд. Пентефрей здесь – это, так сказать, “однофамилец”, а безымянная мать Асенет в повести никак не участвует, вернее, она совершает всего одно действие: подымается в покой дочери и ведет ее вниз, чтобы та приветствовала посетившего дом Иосифа.

Напряжение нашей повести в другом. По-видимому, женитьба патриарха Иосифа на язычнице, не просто предосудительная, но непосредственно запрещенная Авраамом и Иаковом (Быт 24:3; 28:6), требовала объяснения, причем объяснения, которое решало бы проблему, важную для диаспоры с точки зрения религиозного закона, – проблему брака с иноплеменными женщинами. История любви и обращения египтянки в веру Иосифа как раз и предлагает решение этой проблемы.

Это было не единственное возможное решение, другое также засвидетельствовано в еврейской традиции: Асенет отождествляется с дочерью Дины, сестры Иосифа. Чудесно спасенного младенца удочеряет египетский жрец, но ее еврейское происхождение обнаруживается, когда Дина, пришедшая в Египет вместе со всем Израилем, находит памятные вещицы своего младенца. Таким образом, Асенет оказывается женой Иосифа в соответствии с требованием Закона, и драматическое обращение просто не нужно⁴.

Вероятнее всего повесть написана в Египте для грекоязычных евреев диаспоры, хотя нельзя исключить и другого города восточного Средиземноморья, где была достаточно крупная еврейская община.

Посвященная любви и браку Иосифа история вышла похожей на любовный роман: развернутое описание божественной красоты героев – ничего подобного нет в библейской традиции, – упоминание состязания лучших юношей за право стать женихом живущей в неприступной башне красавицы-мужененавистницы,

затем любовь с “первого взгляда”, описание сначала надменного отвержения любви, а затем любовной болезни; знатный соперник, коварные козни и счастливое под конец воссоединение супругов и т. д. Все эти и другие романские черты присутствовали в ветхозаветном апокрифе, когда известные нам греческие любовные романы, скорее всего, еще не были написаны. Поэтому датировка ИА и вопрос о том, какое сочинение было первым любовным романом по-гречески, а следовательно, и проблема происхождения романа оказались связаны.

ИА описывали как назидательную притчу (*wisdom tale*), роман-поучение (*sapiential novel*), аллегорический роман, “роман с ключом”, роман, в котором находят свое выражение египетская астрология или мистика Меркавы или Чертогов, и т. д.

И все-таки, хотя об ИА нередко говорится как о романе, это роман *sui generis*. Сакральные элементы занимают в нем авансцену, что же касается элемента любовного, то о нем можно сказать двояко: что он отодвинут на задний план и подчинен сакральному или что он-то и священен, поскольку брак Иосифа и Асенет происходит и на человеческом уровне, и одновременно на космическом и символическом и имеет непосредственное отношение к спасению мира.

Несмотря на удивительную цельность и небольшой размер, ИА – произведение многосоставное. В нем есть и типично сказочная экспозиция, большие поэтические псалмы и изощренно риторически и поэтически построенные молитвы, короткие драматические диалоги, детальные описания облика и одеяния главных героев, а также башни, чертогов и сада, стилизация библейского исторического повествования, интриги и погони и уникальная апокалиптическая сцена.

Откровение в этой сцене происходит во время мистериального посвящения, в котором участвуют два “разряда” чудесных пчел, репрезентирующих, видимо, ангелов и/или священников. Во всей мировой литературе нет этому подобия.

И другая черта этой сцены удивительна: откровения всегда рассказываются от имени того, кому они были даны, здесь же автор оказывается как бы свидетелем того, чего никто не мог видеть, – посвящения в мистирию и откровения посвящаемому.

Только здесь, за исключением Откровения Иоанна, спасение человечества наступило в настоящем, и, в отличие от всех апокалипсисов, здесь нет описания “массовой” гибели грешников или их окончательного осуждения. Единственный целиком отрицательный герой повести – сын фараона – гибнет, но гибнет помилованный и прощенный.

ИА отличается от большинства апокрифов великодушным светлым настроением и особого рода литературным совершенством: свежестью и цельностью при многообразной и разветвленной опоре на библейскую традицию.

В контексте еврейской литературы египетской диаспоры ИА предстает одним из сочинений иосифического цикла, в ряду так называемых мидрашистских “переписываний Библии” (rewritten Bible) и иудео-эллинистической апокалиптики. В этом контексте история любви является элементом случайным.

Если же рассматривать ИА на фоне эллинистической повествовательной прозы восточного Средиземноморья, особенно в сопоставлении с греческим романом, то ИА вписывается в этот ряд, и неясным остается только вопрос о том, кто объект, а кто субъект влияния.

В решение этого вопроса обычно вмешиваются неявные установки, а именно представление о превосходстве той или иной культуры, которую соответственно и признают “влиятельной”.

Обычно влиятельной признается античная литература. Последние 30 лет – от С. Уест до П. Эйхирни-Кролл – ИА считают периферийным греческим романом⁵, построенным из античного материала мотивов, сюжета, приемов, образов. Комментарий К. Бурхарда указывает на целый ряд параллелей ИА и античных романов: 67 отсылок к “Метаморфозам” Апулея, 40 – к “Херею и Каллирое” Харитона, 25 – к “Таброкому и Антии” Ксенофонта Эфесского⁶.

Но и прежде произведения этих подсчетов Харитон и Апулей обратили на себя наше внимание тем, что ИА имеет с этими романами не схожие мотивы, а более крупные общие характеристики⁷.

“Иосиф и Асенет” – это единственная в библейской и околобиблейской литературе историческая повесть, которая целиком

посвящена всем этапам отношений идеальной пары от заочного отвержения до любви с первого взгляда, испытаний и брака; “Херей и Каллироя” – это единственный сохранившийся греческий любовный роман, имитирующий историческую повесть. Каждый в своем контексте, ИА и “Херей и Каллироя” исключительны по разным основаниям, но в результате только эти два произведения являются одновременно историческими и любовными “романами”⁸.

С “Метаморфозами” ИА объединяет другая и тоже исключительная черта: это романы обращения. Роман Апулея не является любовным в целом, но устройство его, как известно, двусоставно, и в центре находится любовный роман, в котором Психея проходит через преисподнюю и в котором совпадают любовь и обретение бессмертия, любовь к супругу и любовь к божеству. Это, конечно, история Купидона и Психеи.

Как ИА, так и “Метаморфозы” двуплановы. Роман Апулея содержит в себе сказку о браке Души-Психеи с богом любви, которая должна что-то объяснить нам в замысле всего романа и преобразования Луция. В истории патриарха и прекрасной египтянки также в центре помещена сцена посвящения героини в мистерии Всевышнего и откровение о будущем мира и роли Асенет как Града убежища для всех обратившихся. Это второй – космический план событий, происходящих с героями.

Но о чем говорит это сходство?

Мы сопоставили параллельные места ИА и романов с Септуагинтой и обнаружили, что сходства ИА с романами меркнут перед очевидной опорой ИА на библейскую традицию в тех самых местах, которые ученые выделили для сопоставления с романами. Разумеется, доказать влияние ИА на Харитона или Апулея – задача далеко не тривиальная, но и обосновать влияние античного романа просто ссылками на некие сходства уже не получается: нужно, чтобы они были “сильнее”, чем естественная опора ИА на Библию. ИА несколько не нуждается для объяснения своего литературного состава и образности в Апулее и Харитоне, а в фольклорной и библейской традиции нуждается.

Переключки ИА с романами Харитона и Апулея можно также признать случайными, а можно предположить влияние ИА на Ха-

ритона и Апулея, но предположить обратное влияние, на наш взгляд, мешает сам характер сопоставляемых элементов, вернее – системный характер их различий. В одном случае все первичное, исходное, “серьезное”, жизненное, сакральное и даже ритуальное, в другом – тот же образ, прием, сюжетный ход имеет характер искусного, литературного, художественного, психологического.

Приведем один пример. В ИА во время посвящения Асенет, как пчелиную матку (“царицу”), облепляют вылетевшие из сота чудесные белые пчелы в золотых коронах с пестрыми крыльями, а про Каллирою говорится, что, когда она вышла из храма, люди обступили ее и потянулись на ней, словно рой пчел за своей “царицей”. И естественней предположить выветривание чуждой религиозности ради литературной занимательности и изящного образа, чем насыщение “беллетристики” сакральным содержанием.

Как уже было сказано, датировка, происхождение, жанр и сам состав текста вызывали и вызывают дискуссии. Одни ученые считают оригинальной краткую версию, которая затем была распространена⁹, другие – длинную, которая затем была сокращена¹⁰. В настоящее время большинство согласно, что “Иосиф и Асенет” – это иудео-эллинистическое произведение, созданное в столетия вокруг рубежа эр, причем самая ранняя датировка, которую упоминают все чаще, – середина II в. до н. э.¹¹, а самая поздняя из современных – IV или даже V в. н. э.¹²

Критическое издание ИА на основании многочисленных греческих рукописей и древних переводов почти четыре десятилетия подготавливал Кристоф Бурхард¹³. Поскольку наиболее раннюю традицию доносят древние переводы, Бурхард в некоторых случаях включает в греческий текст фрагменты фраз, сохраненных иногда лишь по-латыни, по-сирийски или по-армянски, в обратном переводе.

Настоящий перевод выполнен по последнему изданию Бурхарда с сохранением его членения текста на стихи и главы ради удобства ссылок, но с собственным делением на абзацы.

Кроме того, в статье “Был ли крест на пчелином соте?” авторы реконструируют некоторые чрезвычайно важные фрагменты текста иначе, чем Бурхард, разумеется, используя при этом бо-

гатую информацию о переводных версиях, содержащуюся в его издании и изданиях древних переводов. Перевод соответствующих фрагментов (16.1-11 и 16.16х-17), относящихся к самой загадочной сцене с сотом и пчелами, следует реконструкции авторов статьи, а не тексту, изданному Бурхардом. В тех немногих случаях, когда мы, избирая иное чтение, отступаем от текста Бурхарда, используются квадратные скобки. Угловые скобки использованы в тех (всего трех) случаях, когда в перевод на основании параллельных контекстов включены дополнительные слова.

Еще на заре изучения апокрифа академик В.М. Истрин издал краткую греческую версию и ее славянский перевод¹⁴. В 1987 г. в сборнике “От берегов Босфора до берегов Евфрата” С.С. Аверинцев опубликовал перевод краткой “версии Филоненко”¹⁵. Существует также перевод “Иосиф и Асенет” на русский язык с древней армянской версии¹⁶.

Русский перевод “длинной” версии, более чем на треть превышающей объем краткой, предлагается читателю впервые. Он является результатом деятельности семинара в РГГУ в 2003–2004 гг., в котором учтены многочисленные замечания участников семинара 2008–2009 гг., особенно А.Ю. Виноградова, соавтора публикуемой ниже статьи “Был ли крест на медовом соте?”, сложившейся по результатам работы второго семинара в 2009 г. В свою очередь, для авторов статьи большое значение имели работы соавтора перевода М.С. Касьян о символике пчел и меда в “Иосиф и Асенет”. Участники семинара продолжают подготавливать детальный комментарий, в процессе этой работы были опубликованы статьи, к которым мы здесь отсылаем для более подробного знакомства с проблемами изучения “Иосиф и Асенет”¹⁷.

¹ О существовании устной или/и письменной древнееврейской (или арамейской) традиции, предшествующей созданному по-гречески сочинению, говорят обнаруженные различными учеными непередаваемые паронимии, о которых речь пойдет ниже.

- 2 Отождествляют жреца и вельможу Test. Jos. 18.3 и Jub. 39.11; раввинистические источники чаще их различают: *Aptowitz V. Asenath, the Wife of Joseph: A Haggadic Literary-Historical Study // Hebrew Union College Annual. 1924. N I. P. 262.* О существовании такой драматической истории в еврейской традиции свидетельствует Ориген: “Кто-нибудь подумает, что это [отец Асенет] не тот, кто купил Иосифа. Но совсем не так понимают это евреи, они на основании потаенной книги [ἔξ ἀποκρύφου] утверждают, что хозяин и тесть – одно лицо. Они говорят, что Асенет предъявила обвинение своей матери в присутствии своего отца, заявив, что это та подстроила ловушку для Иосифа, а не он для нее. Поэтому он выдал ее за Иосифа, чтобы доказать египтянам, что тот не совершил никакого преступления против его дома” (*Orig. Selecta in Genesim. PG 12. 136. 9–20*); ср. *Mid. Agada I. 97 (ed. S. Buber); Aptowitz V. Op. cit. P. 258.*
- 3 *Aptowitz V. Op. cit. P. 239–260.*
- 4 *Ibid. P. 243–256.*
- 5 *West S. Joseph and Aseneth: a Neglected Greek Romance // The Classical Quarterly 24. 1974. P. 70–81; Ahearne-Kroll P.D. Joseph and Aseneth and Jewish Identity in Graeco-Roman Egypt. PhD University of Chicago. 2005.*
- 6 См. индекс источников в изд.: *Burchard Ch. Joseph und Aseneth // Unterweisung in erzählender Form / Hrsg. W.G. Kümmel (Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit 2). Gütersloh, 1983.*
- 7 *Брагинская Н.В. “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Часть 2 // Вестник древней истории. 2007. № 1. С. 32–75; Braginskaya Nina. Position of “Joseph and Aseneth” in Greek literary history: the case of the ‘first novel’. Доклад на конференции по античному роману в 2008 г. в Лиссабоне (International Conference on the Ancient Novel-2008), в печати.*
- 8 Вероятно, также так называемый “Роман о Нине и Семирамиде”, к сожалению, дошедший только во фрагментах.
- 9 Так называемая “версия Филоненко”: *Philonenko M. Joseph et Aséneth: Introduction, Texte critique, Traduction, et Notes (Studia Post Biblica). Leiden, 1968.*
- 10 Так называемая “версия Бурхарда”: *Joseph und Aseneth / Hrsg. von Ch. Burchard mit Unterstützung von C. Burfeind und U.B. Fink. Leiden, 2003.*
- 11 *Bohak G. Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis (Early Judaism and Its Literature 10). Atlanta, 1996.*
- 12 *Kraemer R.Sh. When Aseneth Met Joseph. A Late Antique Tale of the Biblical Patriarch and his Egyptian Wife Reconsidered. Oxford, 1998.*
- 13 *Joseph und Aseneth / Hrsg. von Ch. Burchard.*
- 14 *Истрин В.М. Апокриф об Иосифе и Асенефе // Древности: Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1898. Т. III. С. 146–99.*
- 15 См. также: *Аверинцев С.С. Многоценная жемчужина. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. / Пер. с сирийского и греч., сост., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева. М., 1994. С. 97–128.*

- 16 Повесть об Иосифе и Асенефе; перевод, выполненный с наиболее полной армянской рукописи Н.О. Эминым и Г. Халатьянцем // Книга Еноха: Апокрифы. СПб., 2008. С. 285–312 (дополненное переиздание из кн.: Эмин Н.О. Переводы и статьи по духовной армянской литературе. М., 1898).
- 17 *Шмаина-Великанова А.И.* Повесть об Иосифе и Асенет как Пасхальная Аггада для прозелитов. Доклад на Десятой ежегодной международной конференции по иудаике 28–30 января 2003 г.; *Касьян М.С.* Пища богов и Божия трапеза (Мед и пчелы в апокрифе “Иосиф и Асенет”) // Балканские чтения 7. В поисках ориентального на Балканах: от античности до современности. 24–26 марта 2003 г. Тезисы и материалы. М., 2003. С. 42–45; *Она же.* Божественные пчелы – gens aeterna // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. 21–23 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 323–336; *Она же.* Пчелы для Асенет – жрецы, священники или ангелы? (к трактовке образа пчел и меда в Средиземноморской культуре) // Кентавр / Centaurus. Studia classica et medievalia. М., 2005. № 2. С. 71–90; *Брагинская Н.В.* Что если “Иосиф и Асенет” первый греческий любовный роман? // Балканские чтения 7. С. 34–41; *Она же.* Narrative as a By-Product of Exegesis // The Narrative in the Light of Comparative Studies: [Le récit dans la perspective des études comparatives] / Ed. Z. Mitosek, J. Mueller. Warszawa, 2005. P. 155–169; *Она же.* Polemika wokrug khrama Onii i ispravlenie prorochestva: Isaiya, 19:18 // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского, 20–22 июня 2005 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2005. С. 32–38; *Она же.* “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Часть 1 // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 73–96; *Она же.* “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Часть 2. С. 32–75; *Она же.* Обычное и странное в инициации Асенет // Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. 31 марта – 2 апреля 2009 г. М., 2009. С. 34–38; *Михайлова Т.А.* Перемена облачения в “Повести об Иосифе и Асенефе” // Antiquitas Iuventae II / Сб. научных трудов студентов и аспирантов / Под. ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. Саратов, 2006. С. 96–110; *Она же.* Проблема датировки ветхозаветного апокрифа “Иосиф и Асенеф” // Antiquitas Iuventae III. Саратов, 2007. С. 241–251; *Она же.* “Иосиф и Асенеф” и “Книга Иудифи”: проблема датировки // От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры. М., 2009. С. 221–233; и др.